

«Пока

не долетел предмет из зала...»

Владимир Вишневский обременен уже немалым количеством почетных титулов и званий, не последние из которых — Поэт русского зарубежья, а также Выразитель дум и чаяний наиболее незащищенных в сексуальном отношении слоев (то есть мужчин и женщин). Редакция попросила маститого поэта рассказать, что происходит ныне в его богатой событиями творческой жизни.

Знаете, — отвечивал Отец советского одностишия, — в последнее время я вместо автобиографии предпочитаю рассказывать автобиблиографию. Не в смысле «я поэт, этим и интересен», а просто вдруг понял, что хронология изданий равняется драматургии жизни. Поэтому, рассказывая о себе, вполне достаточно перечислить названия книг. И так, 1987 год — «Поцелуй из первых уст». 1988 год — «Подписка о взаимности». 1989 год — «Моя прописка». После паузы — «В отличие от себя, или Дваякорь». Наконец, книжка, на основе которой составил клуб моих читателей — «Спасибо мне, что есть я у тебя». Есть еще звучащая книга-пластинка под тем же названием, но с подзаголовком «Прижизненная запись». Наконец, предмет моего полного восторга, проблем, хлопот и самораздевания — чековая книжка «Прожиточный минимум» с купюрой на обложке, собравшей все мои одностишия. Издательство «Леже» продает ее за доллары, я за них ее покупаю и дарю друзьям. Кто захочет ее купить с дарственной надписью — пусть обращается в вашу газету или по телефону 947-78-00, как все и делают.

Только что вышла книжка в музее Сидура раритетным тиражом в 50 экземпляров, названная со свойственной мне скромностью «Первоисточники». Думаю о новой, потому что материал есть. Но сейчас интереснее заниматься тем, что на современном языке называется «проектами» (есть такое одностишие — «Кто ты такой, чтоб сглазить наш проект?»). Я много выступаю на телевидении, работать там интересно, поэтому решил: хоть гостить в чужих передачах нормально, пора иметь свою. Сложилось, назрело. Так что готовим проект для НТВ «Вишневский сад». Отснят фильм, где разные знаменитые люди читают мои стихи. Каждый выбрал то, что отвечает его психологическому состоянию, и в результате выстроилась такая живая цепочка. Гердт, например, читает «Давно я не лежал в Колонном зале». Гафт — «И женщина, как буря, улеглась». Федосеева-Шукшина — «Какой-то вы маньяк несексуаль-

ный» и «Так вот зачем меня вы целовали!». Высокковский буквально прожил одностишие «Увы! Уж никогда не стать вожатым». Заплаканный Шифрин прочел со свойственной ему интонацией «Мужчина, вы стрельбу-то прекратите!» Якубович — «Уж поздно мне из кадра выходить» и «Ну что, еще и вами заниматься?» А приехавший на три дня Каневский выпросил у гаишника фуражку (тот дал ее только по предъявлению Лениного лица) и в образе майора Томина огласил: «Ведь я просил, чтоб не было улик!»

Таким образом, сейчас я занимаюсь телевидением, собой, самообнародованием, печально рад тому, что мне это удастся и что я умудряюсь этим жить. Материал аукается, из зала стихи всегда подсказывают, и я этому рад, ибо категория «читатель» драгоценна — он всегда прав.

По этому поводу стихи.

Я катал тебя голую на пречистом коне,
Целовал тебя в кушах и был занимателен.
Насколько удалось — судить не мне.
И даже не тебе, а моим читателям.

Не зря так много истины излилось
На горе тех, кто царствует во зле.
Все чаще торжествует справедливость,
Все чаще торжествует справедливость
И, торжествуя, пляшет на столе.

Да, в экономике бедлам,
Гнетут налоговые оковы.
Но мне не жаль, что по утрам
Гудка не слышно заводского.

Пишу трактат, чтобы размножить:
«Как нам Россию растаможить».

Немало оперативных
Предпримут и розыскных,
Чтоб выявить всех активных,
Пассивных и всех противных,
А главное — остальных.
В режиме тревоги команды,
Ориентировки дня,
И всех, у кого бакенбарды,
Проверят, начав с меня,
Все версии отработают,
Возможного за предел.
В итоге опять — фоторобот
Министра внутренних дел.

Место встречи изменить
Уже нельзя, скорей всего,
В краю великого облома,
Под крышей дома моего,
В подъезде собственного дома.

Не написано мне на роду
Быть крутым, но крутые лекала
Обожаю, тем паче в цвету,
И цвету я в своем детсаду,
И слова в облака облакаю.
Говорят, что тебе я иду.
Идеально тебя облегаю.

ДЕКАБРЬ 1994

Домой придя, реальностью подранен,
Все ж не забыл включить я телевизор.
И обмер вдруг. И ожил вдруг. О, Боже!
Процесс реанимации пошел,
Едва я понял, кто же на экране:
Доминго, Поваротти и Каррерас.
Три голоса высоких, три колосса
В том эпохальном джеме, прямо в Риме,
Под вечным небом в термах Каракаллы
Поют, парят, сменяясь, соревнуясь,
Играя силой в самых мирных целях.
Какие люди, то есть олимпийцы!
Три лучших представителя вокала,
Хотя сошлись под знаменем футбола.
Дон Пласидо в натуре, дон Хосе...
А белый плат великого Лучано...
О, это были именины сердца!
И даже где-то именины легких,
И органов иных жизненно важных —

Короче, пир, Михал Сергеич, духа.
Но песня расстается с человеком
Скорее, чем последнему хотелось бы.
Концерт имеет свойство «la finita»,
И я остался с пультом управления,
И вот нажал на кнопку рефлекторно,
И вот увидел то, что заслужил
Всей трудной жизнью, годами исканий.
Улицезрел совсем иное трио —
Три силовых министра в комфляже
Предстали, откровенно брифингуя
В посудной лавке бывшего Союза.
Я их фамилий здесь не изменяю.
А где министр спорта без ракетки?
Да, потрясенье — штука посильнее,
Чем «Девушка и смерть». Мой телевизор
Сработал хорошо на поражение
Всех сил моих душевных прогрессивных.
О! был бы кто поблизости из граждан —
Вы все бы закричали мне: «Товарищ»
Зачем так сразу оседать по стенке?
Что я хотел бы передать живым?
В чем ноу хау в смысле выживания?
О современник мой! Дистанционный
Опасен пульт для вашего здоровья.
А в общем, всех, конечно, с Новым Годом!
И как не вспомнить горе-одностишие:
«Удачи вам! И чтоб не обстреляли!»

Вишневский В. В. 1995. - № 1. - С. 8